

Лесное хозяйство и лесоустройство в России современное состояние и проблемы.

(Ханты-Мансийск, ноябрь 2017 г.)

Добрый день, уважаемые коллеги и участники сегодняшней встречи. В первую очередь хотел бы искренне поблагодарить организаторов за предоставленную возможность нам встретиться и высказать своё видение о состоянии лесного хозяйства, его проблемах и путях их решения.

Мне особенно приятно быть на этой встрече и потому, что в этих краях в 1974 году я, будучи молодым таксатором, участвовал в лесоустроительных работах в верховьях реки Вах. В то время Нижневартовск только обстраивался. Не знаю как сейчас, но тогда в Ларьяк и даже Корлики летали самолёты по расписанию. Впечатления о тех местах у меня очень свежи до сегодняшнего дня и о некоторых из них я написал в своих очерках.

Сразу оговорюсь, что, готовясь к нашей встрече, я посчитал необходимым рассказать именно о некоторых проблемах в нашей отрасли, а не о достижениях, потому что о них вы можете прочитать и услышать в наших средствах массовой информации. А нам с вами нужны не парадные репортажи, а выявление больных точек, которые нужно лечить – это наша главная задача.

Мы все, наверное, понимаем, что Российская Федерация является не очень эффективным собственником своих лесов, занимающих более 60% общей площади земель нашей страны. Удивительно, в стране с богатейшими лесными ресурсами, доля отрасли в ВВП составляет менее 3%, а лесное хозяйство находится на дотационной основе. Несмотря на многочисленные решения основным товаром, поставляемым за рубеж, является круглый лес, значительная доля которого – нелегальна.

На протяжении десятилетий государство не может выработать действенной политики в отношении лесного комплекса и не редко принимает решения, многие из которых кажутся не до конца продуманными, что не улучшает в целом положение в отрасли, где процесс производства продукции зачастую растянут на десятилетия, особенно когда это касается древесины. Многие новые нормативные акты уже в первые годы их применения требуют не просто корректировки, а подчас полной переработки. Главной причиной такого положения, как мне кажется, является непрофессионализм. Чтобы не вдаваться в подробности, остановлюсь только на одном факте. В правительстве государства, владеющего огромными лесными территориями, нет ни одного специалиста лесного хозяйства, которые могли бы как-то повлиять на качественный уровень этих законов.

Мне, по роду своей деятельности, пришлось познакомиться с лесным хозяйством в разных странах, в том числе, Китае, Камеруне, Аляске, Финляндии и других, и такого игнорирования профессионалов я нигде не видел.

Но часто при внимательном ознакомлении с новыми законами, выявляется чёткая линия интересов отдельных групп, преследующих цели далеко от интересов государства.

Особенно ярко это прослеживается в новом Лесном кодексе, главной задачей которого являлась передача лесов России в частную собственность, и только активная позиция учёных и общественности привела к категоричному отказу Президента РФ подписать такой закон. Но всесильное лобби всё-таки смогла внести в документ ряд своих предложений. Одним из важнейших отрицательных решений Лесного кодекса 2007 года является объявление лесов принадлежностью земли и перевода их в категорию движимого имущества и, практически, разрешения купли-продажи лесных насаждений. Государство отказалось от своих учреждений – лесхозов на всей территории лесного фонда и декларировало переход на конкурсное приобретение лесохозяйственных услуг, включая тушение лесных пожаров, что оказалось просто губительно для лесного хозяйства и полной потере управления на лесных участках, не предоставленных в долгосрочное пользование. Но многовековой опыт России свидетельствует, что смена формы собственности на леса всегда приводила к негативным последствиям для них. В странах с рыночной экономикой эффективность лесного сектора определяется не формой собственности на леса, а качеством государственного управления и грамотной организацией хозяйственной деятельности в них.

Следствием политики демонополизации государственной собственности на леса стало ослабление роли государства в лесопромышленном и регулировании лесного сектора, понижение правового статуса государственной лесной службы. А замена разрешительной системы лесопользования заявительной привела к значительному росту нелегальных рубок и других лесонарушений.

Большой ошибкой при доработке Лесного кодекса явилось то, что из него были изъяты нормы и положение о лесничем. Кроме этого были отменены краткосрочное пользование для частного бизнеса, что губительно повлияло на регионы, где лесопользование и народные промыслы являлись основой социально-экономического благополучия населения, а порой единственным источником существования. Удивительно, но из Лесного кодекса было изъято само понятие «лесоустройство», заменив его на так называемую – Государственную инвентаризацию лесов, и сегодня, бывшее лучшим в мире, оно видимо доживает последние годы.

К сожалению, наши законодатели не редко, преследуя благие цели, создают такие законы, которые совершенно оторваны от жизни и не применимы на практике. Наверное, поэтому так необязательно у нас исполнение этих, казалось бы хороших законов. В результате, в этот

документ уже внесено более сорока перечней поправок, но особого совершенствования в лесном хозяйстве не наблюдается, и во многих регионах опять возвращаются к прежним формам организации лесного хозяйства, пусть не самой лучшей, но всё же, опробованной системе.

И напрашивается вопрос: «Всегда ли так было?»

Здесь я хочу обратиться к истории законоотворчества.

В средствах массовой информации нередко появляются статьи о почти идеальном законоотворчестве в прошлые (дореволюционные) годы в России и их высокой эффективности, а результатом такой организации лесопользования являлись сохранность лесов, их высочайшая доходность и достойное благосостояние всех, кто был связан с лесом. Я хотел бы на этом немного остановиться.

Великая русская равнина, на которой создавалось наше государство, в прошлые времена была почти сплошь покрыта лесами. По словам Ключевского, «...вся Московия не что иное, как сплошной лес, за исключением тех местностей, где его выжгли для обращения в поле, годное к обработке». Описания иностранцев, путешествовавших по России в XVI—XVIII веках, также свидетельствуют о том, что вся Россия, за исключением южных степей, была покрыта лесами.

Но уже при Петре I издавались указы, которыми ограничивалась рубка лесов в окрестностях городов, по берегам многих рек, создана Вальдмейстерская канцелярия по управлению лесами. Заготовка леса для кораблестроения была, как известно, основным мотивом лесного законодательства Петра I. Удовлетворение лесом кораблестроения занимало весьма значительное место по своему удельному весу в потреблении древесины, так как морские суда повсеместно до второй половины XIX века строились из дерева. Потребление древесины росло параллельно строительству флота. Главной сырьевой базой для судостроения на севере явилась «сокровищница лесов», лежащая в бассейнах Онеги, Двины и Мезени, где произрастали значительные площади лиственницы.

Природоохранные акты издавались и при Екатерине II, и при Павле I. Особенно активно велась природоохранная законоотворческая деятельность при Александре III, в связи с промышленным развитием России и интенсивной вырубкой лесов. Большую роль в сохранении лесов мог бы сыграть и так называемый «лесоохранительный закон» - «Положение о сбережении лесов» 1888 года, который приводят часто как пример организации рационального лесопользования.

Безусловно, принимаемые лесные законы, даже при их весьма ограниченных мерах, вносили определённый положительный вклад в сохранение лесов и в порядок пользования ими. Но могли ли они кардинально решить проблемы?

Я хотел бы обратить ваше внимание на очень интересный труд В.В. Врангеля - «История лесного законодательства Российской империи», изданной в 1841 году, в котором прослеживаются не только пути

совершенствования лесного законодательства России, но и некоторые результаты их реализации.

В. Врангель в очерке о корабельных лесах говорит, что согласно описанию архангельских лесов в 1748 г. по Двине и ее притокам имелось весьма много лиственничного леса. А уже в донесении Архангельской адмиралтейской конторы от 1764 г. указывается, что «вблизи Архангельска леса, годные на кораблестроение, уже вывелись», что прямых лиственничных деревьев отыскивалось мало. Сведения, приводимые в книге В. Врангеля, его оценка процесса обезлесения севера показывают с достаточной наглядностью, как хищнически уничтожались лучшие, наиболее доступные леса.

Усиленная рубка дуба в Центральных губерниях привела к тому, что путешественники, видевшие в 1785 г. чудесные дубовые леса, в 1794 г. констатировали полное и бесследное уничтожение этих лесов. Точно так же при осмотре в 1838 -1839 гг. лесов Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерний дубовых лесов не оказалось.

В. Врангель отмечает: «К несчастью, все мудрые меры Правительства не могли спасти лесов от истребления и не вели к достижению предполагаемой цели. Лесная промышленность, поджоги, распашки истребили леса. В разных источниках отмечается, что, если сопоставить данные генерального межевания в лесных площадях центральных районов с учетными данными о состоянии лесного фонда, то лесистость на душу населения в течение 100 лет сократилась примерно в 6—7 раз.

Безусловно, огромным положительным моментом в организации и ведении лесного хозяйства России являлся указ от 26 декабря 1837 года, который объединил управление всеми лесами в Министерстве государственных имуществ, получившее по Положению от 30 января 1839 года военное устройство, и все чины были соединены в один состав под названием Корпуса Лесничих.

Но уже на втором съезде лесохозяев, проходившем в 1874 году в Липецке Тамбовской губернии, помещик Голенищев - Кутузов заявил, что «нашествие татар не более нам сделало зла, сколько сделали мы его сами, обобрав потомков своих вырубкой и истреблением лесов».

В последние десятилетия, в противоположность к советским законам, часто возносят Указ 1888 года, так называемое «Положение о сбережении лесов» утверждённый Императором Александром III, как панацею от истощительных рубок во всех лесах страны. Конечно, этот указ сыграл определённую роль в сфере использования лесов, но решил ли он проблемы?

Уже в 1906 году вышел Циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия, в котором отмечалось необходимость мер «к возможно менее стеснительному для населения применению закона о сбережении лесов ... так как события последних лет поставили лесовладельцев в тяжёлые экономические условия...». Этот циркуляр

предоставлял право разрешать единовременную вырубку в дачах до десяти годовичных лесосек. Результаты не замедлили сказаться. Площади опустошительных рубок возросли за четыре года в два раза.

В результате лесистость в Европейской России с 1888 после введения «Положения о сбережении лесов» до 1914 года значительно сократилась. Например:

Московская губерния – 38,7 % , в 1914 г. – 26,3 %

Смоленская губерния – 38,6 % , в 1914 г. – 24,4 %

Тверская губерния – 33,7 % , в 1914 г. – 22,6 % и так далее.

В целом. По центральному району – 30,7 % , в 1914 году – 22,2%

Для общего примера: исходная лесистость Московской губернии (южная тайга) в XVI веке составляла более 70 %. Еще в XVII–XVIII столетиях преобладающими породами деревьев в лесах на территории Московской области были дуб и ель. В 1781 г. лесистость Московской области уже составляла 46 %. В 80-е гг. XIX в. – 39,6 %, в 1914 г. – 26,3 %, а к 1917 г. – упала до 22 %.

Таким образом, принятое в 1888 г с целью сохранения лесов «Положение о сбережении лесов» не дало существенных результатов. Работы по восстановлению и охране лесов проводились в незначительных размерах. Вся площадь посадки и посева леса в России с начала XVIII в. до 1917 года составила около 900 тыс. га.

В заключение этого можно однозначно сказать, что принимаемые меры по сохранению лесов и упорядочению лесопользования и в дореволюционный период не приносили желаемого результата.

В чём же проблема «несрабатывания» этих, казалось бы правильных и нужных законов. При анализе их разработки, проведения через законодательные органы и применения на практике всегда достаточно легко выявляется эта главная причина. То, что случилось со многими законами, в том числе и с Положением 1888 года в прошлое время, и, например, с решением Правительства в современной России о введении пяти процентного сбора при лесозаготовках на лесовосстановительные мероприятия, и с законом о лесной амнистии 2017 года, в результате которой уже потеряно более 15 % земель лесного фонда в Ленинградской области, а в Московской, видимо, будет ещё больше. Эта причина кроется в незаинтересованности определённых кругов в таких законах. Как говорится «Ищите кому это выгодно». Вот это всесильное лобби в основном и сводит значительную часть наших законов в разряд нужных для них, но невозможных к исполнению для с пользой для государства.

О платежах за лесные ресурсы.

Я не буду останавливаться на советском и пост советском периодах организации и развития лесного хозяйства, но хочу обратить внимание только на некоторые проблемы.

В советский период планируемой экономики основным источником финансирования лесного хозяйства был государственный бюджет. Несмотря на жёсткий административный контроль, бюджетное финансирование, по сути, приобрело характер поощрения государством экономической неэффективности управления на уровне предприятий. В несколько изменённом, а точнее, ухудшенном варианте система бюджетного финансирования существует и сейчас. В принципиально иных экономических условиях её неэффективность возросла, а анти рыночный характер стал совершенно очевиден. К тому же кризис бюджетной сферы сделал этот источник финансирования весьма ненадёжным и крайне скудным.

В настоящее время существующая система установления платежей за древесину, отпускаемую на корню, не совершенна, т.е. не отражает рыночных интересов субъектов лесных отношений. Несовершенство системы платежей оборачивается прямой потерей миллионов рублей лесного дохода. Чрезвычайно низкий уровень платы за древесину на корню не обеспечивает даже простого воспроизводства лесного ресурса. Кроме того, заниженные ставки платы за лесные ресурсы нарушают принципы конкуренции среди товаропроизводителей, лишают их правильной рыночной ориентации. Это положение устраивает лесопромышленные кампании, так как существующий уровень платы позволяет им получить сверхдоходы на продукции глубокой переработки.

Большая надежда возлагалась на реализацию положений, которые были озвучены в бюджетном послании Президента РФ Федеральному собранию «О бюджетной политике на 2002 год». В нём одним из основных направлений дальнейшего развития налоговой реформы признавалась "необходимость ввода и постепенного расширения рентных принципов в отношении налоговых платежей за пользование недрами», то есть к отказу от налогов и полному изъятию природной ренты в пользу государства. Но такое положение осуществимо только при усилении роли государства и как оказалось практически исключено в рамках российской либеральной модели.

Безусловно, переход на рентные платежи явился бы наиболее эффективным направлением. Можно обратиться к мнению Фреда Харрисона - английского экономиста, который писал: «Следует подчеркнуть, что капиталистическая система возникла тогда, когда феодальная аристократия создала наихудшие условия для производителей товаров. И вот уже двести лет мир живет с налоговой системой, а все ее отрицательное влияние направлено на тех, кто каждый день должен ходить на работу. И хотя

экономика развивалась, это происходило не благодаря введению налоговой системы, а вопреки ей.

Стоит подчеркнуть, что все налоги направлены против повышения производительности труда и, как следствие, приводят к снижению эффективности использования капиталов. Фундаментальным принципом рыночной экономики является формирование доходов государства за счет рентных платежей».

В настоящее время в России рентная составляющая в цене лесной продукции частично изымается посредством применения минимальных ставок платежей за отпуск леса на корню и вводимых субъектами федераций повышающих коэффициентов. Однако несовершенство методики ценообразования за пользование лесными ресурсами создало условия, когда основная масса ренты присваивается лесопользователями.

Введение обоснованных нормативов при формировании цен за лесные ресурсы затруднило бы извлечение и присвоение сверхприбылей, в том числе и за счёт минимизации затрат на воспроизводство этих ресурсов. Улучшились бы условия для развития рентных отношений между государством и предприятиями, что явилось бы важным условием адаптации лесного хозяйства и всего лесного комплекса к рыночной экономике.

Сейчас предлагаются различные варианты формирования и изъятия ренты при пользовании природными ресурсами. Одним из таких предложений является исчисление ренты в целом по обороту сырьевых ресурсов от заготовки древесины до конечной продукции.

С этим вряд ли можно согласиться. Предложение о создании нормативной базы для оценки затрат и доходов по всему комплексу производств, превращающих древесину на корню в конечную продукцию является несбыточной мечтой учёных – экономистов, которые всё время стараются построить самые, как им кажется, лучшие и сложнейшие модели экономического развития, часто не имеющих под собой соответствующих социальных, экономических и практических основ.

Мы считаем, исчисление цены за древесину должно производиться с учётом стоимости древесины на корню в виде конкретных круглых сортиментов, например, балансов, пиловочника, фанерного кряжа и т.д. Дальнейшая продукция, произведённая из этих ресурсов, является собственностью производителя. И здесь должна действовать система налоговых платежей, а возможно, при переходе на рентные платежи, и полный отказ от налогов.

Покупатель древесины приобретает тот вид сортимента, который ему необходим для производства. И это будет не обязательно предполагаемая теоретиками продукция. Например, из хвойных и лиственных балансов получают не только целлюлозу. Такие сортименты в больших объёмах идут для производства клееного бруса. Стоимость этой конечной продукции выше, чем целлюлозы, а само производство значительно проще, и

соответственно менее затратное. Другие используют балансы для получения заборного штакетника, тарной дощечки или заготовок для поддонов. Так, что же каждый покупатель при покупке круглых сортиментов должен декларировать конечную продукцию? И ему с учётом разработанных нормативов на получение конечной продукции, будут устанавливаться соответствующие цены? Весьма спорное направление.

Каждый предприниматель знает уровень цен на рынке на его конечную продукцию – круглые сортименты. Если к себестоимости заготовки прибавить прибыль предпринимателя, которая предоставляла бы ему еще и возможность для расширения производства, то оставшаяся часть и составляет то, что государство должно изымать в виде рентных платежей.

Наверное, высшей формой организации формирования бюджета государства должны быть полный отказ от налогов с изъятием полностью ренты за природные ресурсы. По этому пути пошли и Сингапур, и Япония, где, казалось бы, природных ресурсов очень не много.

Устойчивое управление.

Лес является биологическим объектом с уникальным по длительности воспроизводственным циклом и его управление должно базироваться на долгосрочном планировании. Национальные лесные планы разрабатываются и реализуются более чем в 130 странах мира, они являются основой региональных лесных планов. В нашей стране лесное планирование ограничивается региональным уровнем и возлагается на субъекты Российской Федерации.

В этой связи, необходимо обратить внимание на одну из важнейших компонент организующих лесное хозяйство и лесопользование – лесоустройство. То, что лесоустройство в России загнано в тупик – это уже даже не обсуждается, а констатируется как обыденный факт, вокруг которого не один год на всех уровнях управления ведутся нескончаемые и обычно без всякого результата обсуждения, споры и предложения.

Здесь я хотел бы кратко напомнить об истории лесоустройства.

Отечественное лесоустройство прошло длительную и сложную историю своего развития, которая была неразрывно связана с лесным хозяйством. Вся его история развития очень чётко изложена в инструкциях, отражавших политическое и экономическое положение страны, техническое и научное развитие, и задачи, стоящие перед лесным комплексом.

Лесное хозяйство России возникло значительно позже, чем в Западной Европе. Поэтому в организацию русского лесного хозяйства, и, в частности, в лесоустройство дореволюционного периода было много перенесено в готовом виде из практики Западной Европы, преимущественно из Германии. Однако необходимо отметить, что выявившаяся неприменимость в условиях России позаимствованных из зарубежной практики приёмов и методом

лесоустройства заставили нас встать на путь разработки такой техники лесоустройства, которая вполне соответствовала бы природным и экономическим условиям русского лесного хозяйства. В этом лесоустроители достигли значительных результатов.

В России начало лесоустроительных мероприятий было положено Петром I. Для обеспечения кораблестроения мачтовым и другим корабельным лесом в 1696-99 годах были проведены, описания лесов, выявление «корабельных деревьев» и отвод насаждений, пригодных для судостроения. В последующем было приказано леса, приписанные к уральским горным заводам, разделять на лесосеки. В 1703 году Пётр I дал указание описать заповедные леса – основной источник древесины для кораблестроения. В 1722 году «... для сохранности лесов и их бережного использования была утверждена Обер-вальдмейстерская канцелярия». Для её деятельности была составлена и Указом от 30 декабря 1723 утверждена Вальдмейстерская инструкция.

Первым документом, предусматривающим лесоустройство в России, следует считать проект Устава о лесах, относящийся к 1786 году. В нём были определены основания для проведения простейших лесоустроительных работ путём образования хозяйств по господству пород, установления оборотов рубок, ширины лесосек с оставлением на них резервных деревьев и выделения заказников в хвойных и дубовых насаждениях.

Специализированная лесоохранная деятельность в России началась, когда Павлом I 26 мая 1798 году для улучшения лесного дела и предотвращения истребления лесов при Адмиралтейской коллегии был организован лесной департамент. Первым руководителем Лесного департамента был назначен генерал – кригскомиссар О.М. Дерибас (Хосе де Рибас 1749-1800 гг.). В это же время вальдмейстерская служба преобразовывается в форстмейстерскую. Это было не простое переименование лесной службы. В корне менялось её основное назначение – лесная сторожевая служба преобразовывалась в службу лесоводов. При организации министерств (1802) Лесной департамент вошёл в Министерство финансов - глава Лесного департамента подчинялся только императору, сенату и министру финансов. Сотрудники лесного департамента носили морскую форму.

Лесной департамент придавал большое значение лесоустройству в обеспечении приведения отечественных лесов в известность, их породной и возрастной структуры.

Следует отметить, что принятая в 50-х годах XVIII столетия система лесоустройства дважды ликвидировалась - в 1860 г. лесоустройство было передано в ведение губерний (восстановлено в 1908 г.), второй раз - в 1930 г. (восстановлено в 1947 г.). **В 2006 году наше правительство третий раз наступило на те же грабли.**

В 1842 г. был разработан «Проект инструкции для таксационных работ в лесных дачах, избираемых для ведения правильного

лесного хозяйства». По этой инструкции в год ее разработки было проведено лесоустройство в лесных дачах казенных лесов с образованием лесничеств в 16 губерниях. Проект первой лесоустроительной инструкции был разработан Ф.К. Арнольдом. С этого времени условно считается создание отечественного лесоустройства.

Проведённые через десять лет после первичного лесоустройства ревизии, показали, что лесной доход в них возрос в сравнении с периодом, когда леса не были устроены. **Доходы возросли и относительно установленного сметного в среднем на 20%, и вот это сверхсметное превышение дохода в устроенных дачах императором было предписано направлять на развитие лесоустройства, что стимулировало дальнейшее его совершенствование и, в свою очередь, повышение дохода от лесного хозяйства в казенных лесах России.**

В дальнейшем правила лесоустроительных работ постоянно совершенствовались. Лесоустроительная инструкция 1884 г. впервые ввела понятие «хозяйственные части». Обороты рубки принимались по максимальной доходности леса, и, что очень важно, в период оборота рубки включался период естественного возобновления леса. **Действующая современная методика расчета лесосек не учитывает период возобновления вырубок, что ведет к завышению расчетной лесосеки.**

В дореволюционной России среди лесных чинов таксаторы пользовались большим уважением и почетом. «Должности таксаторов первоначально занимали только выпускники офицерских классов Петербургского лесного института, составлявшие нечто вроде лесной гвардии, принадлежность к которой считалась за большую честь».

К концу 80-х гг. институт лесоустройства казенных (государственных) лесов дореволюционной России окончательно сформировался. Разрабатываемые планы лесного хозяйства устраиваемых дач рассматривались Специальным лесным комитетом и утверждались министром земледелия и государственных имуществ.

В 1908 г. очередная «Инструкция для устройства казенных лесов» закрепила достигнутые к этому времени технологические достижения в лесоустройстве и восстановила централизованную систему лесоустройства.

Инструкция 1914 г. была последней лесоустроительной инструкцией, изданной в царской России. Ее автор проф. М.М. Орлов отмечал, что она является вторым изданием инструкции 1911 г. и имеет по сравнению с ней незначительные методические изменения.

По состоянию на 1 января 1914 г. по всей России было устроено и обследовано лишь 36 % общей площади казенных лесов. Устройство частновладельческих и крестьянских лесов было довольно редким явлением. Оно проводилось в них лишь тогда, когда соответствовало личным интересам лесовладельцев. В 1913 г. в лесоустроительных партиях работало 950 чел. инженерно-технического персонала. С 1914 года лесоустроительные работы

были законсервированы, а рубки в годы войны нарушили все лесоустроительные расчёты.

После установления Советской власти уже 5 апреля 1918 года Совнарком в своём обращении ко всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов отметил, что все леса нужно привести в известность, описать и организовать в них хозяйство. В Декрете ВЦИК от 27 мая 1918 года «О лесах» давалась директива о том, что «... леса должны быть устроены в техническом отношении, иметь подробные технические планы лесного хозяйства и исчерпывающее кадастровое описание».

Постановлением от 2 февраля 1928 года «О мерах к упорядочению лесного хозяйства» Совнарком СССР признал необходимым ведение лесного хозяйства на основе единого плана. При этом отмечалась важнейшая роль лесоустройства. На пятилетие 1928/29 – 1932/33 годов было запланировано проведение лесоустройства на площади 152.3 млн. га и лесоэкономическое обследование 194.5 млн. га.

Следует отметить следующее. В дореволюционной России за период 1842 – 1908 годы, т.е. за 67 лет, устроено и обследовано 61 млн. га лесной площади, при Советской власти такая же площадь лесов (61 млн. га) была устроена и обследована всего лишь за пять лет (1923-1928 гг).

В 1926 г. вышла «Инструкция для лесоустройства, ревизии лесоустройства и лесоэкономического обследования общегосударственных лесов». Она исходила из требований, связанных с удовлетворением потребностей в древесине всех отраслей народного хозяйства и населения и улучшением состава и производительности лесов. Большое внимание эта инструкция уделяла изучению экономических условий устраиваемых объектов и выявлению потребности местного населения, характеристике возможных путей и средств для вывозки древесины и т. д. **Инструкция признала целесообразным применение при лесоустройстве материалов аэрофотосъемки.**

Следующий период развития советского лесоустройства — 1937—1947 гг. имел характерную особенность — возрождение практического лесоустройства на территории водоохранных лесов. Организация лесного хозяйства с 1943 г. стала производиться с учетом народнохозяйственного значения лесов разных групп. Для каждой группы и категории лесов лесоустройство стало устанавливать соответствующий режим пользования и систему лесохозяйственных мероприятий.

Следующий этап развития советского лесоустройства начался с 1947 г.— с момента образования Министерства лесного хозяйства СССР, а также Всесоюзного объединения «Леспроект» и продолжался по 1965 г. Его характеризует значительное увеличение лесоустроительных работ в разных частях государственного лесного фонда СССР. При этом закладываемые лесоустройством основы организации лесного хозяйства все более совершенствовались.

Так, после окончания Великой Отечественной войны, в результате которой на территории страны, охваченной военными действиями,

почти полностью погибли или требовали обновления материалы прежнего лесоустройства, в больших масштабах начали проводить лесоустройство и обследование лесов с использованием материалов аэрофотосъемки. Только с 1947 по 1956 г. лесоустройство было проведено на площади 211 млн. га и обследовано 851 млн. га лесов. Это позволило выполнить полное приведение лесов страны в известность и впервые составить карту лесов СССР. Ежегодные объемы лесоустроительных работ в стране к 1970 г. стали достигать 36—40 млн. га.

Одним из вопросов, определяющих место и значение лесоустройства, является установление его роли в управлении и планировании лесного хозяйства, а также его цели, задач и содержания. Уже в первые годы Советской власти было обосновано положение лесоустройства, согласно которому оно стало рассматриваться одновременно мероприятием политическим, экономическим и технико-организационным. Лесоустройство стало одним из необходимых звеньев общей системы плановой работы в лесном хозяйстве.

В связи с необходимостью более полного и успешного развития лесного сектора и внедрения во все сферы лесоустроительного производства новейших достижений науки и техники в 1964 г. была составлена и издана новая инструкция по устройству государственного лесного фонда СССР Начавшаяся по ней работа положила начало следующему периоду развития советского лесоустройства.

1993 год был последним годом сложившейся стройной лесоустроительной системы. В/О «Леспроект», насчитывало в последние годы 19 лесоустроительных предприятий, в составе которых функционировало 65 экспедиций, около 150 лесоустроительных партий и отрядов. Общая численность инженерно-технических работников системы составляла до 10 тысяч человек.

Это время я воспринимаю как самое болезненное в моей трудовой биографии и не только потому, что я в то время являлся руководителем «Леспроект». Пройдя все ступени от техника до начальника Объединения, зная с каким уважением, а подчас и завистью смотрят на нашу систему лесоустройства зарубежные коллеги, у меня не было ни сил, ни возможности сохранения этой системы, которую одни уничтожали из чисто меркантильных соображений, а другие из-за махрового непрофессионализма.

В 1994 г. Рослесхоз утвердил «Инструкцию по проведению лесоустройства в лесном фонде России», действовавшую до 2006 г. От последней общесоюзной лесоустроительной инструкции эта инструкция отличалась ослаблением многих требований к организационным элементам проведения лесоустроительных работ, в том числе и увеличение сроков проведения очередного лесоустройства с 10 лет до 20, в зависимости от интенсивности ведения лесного хозяйства.

В наше время при переходе к так называемой рыночной экономике государственное лесоустройство в 2006 году было ликвидировано вновь. Поистине, пути Господни неисповедимы.

Здесь хотел бы напомнить о заседании Государственного совета по лесопромышленному комплексу в Улан–Уде в 2013 году, где Президентом РФ было отмечено, что:

«... сегодня мы не располагаем полной, и, самое главное, достоверной информацией ни о количестве, ни о качестве лесных ресурсов».

«При разработке лесных планов, в их основу закладывали устаревшие данные и подходы. Это привело к серьёзным негативным последствиям»

«Из-за недальновидных, непродуманных финансовых, кадровых, управленческих решений в лесоустройстве процветает начётничество и коррупция».

Точнее не скажешь.

А дальше шли конкретные поручения.

Что же сделано за эти годы?

А по сути дела – ничего!

В последнее время главным вопросом, который волнует наши органы управления и общественные советы, является то, кто выполняет эти работы частные или государственные предприятия. Уже не обсуждаются качество ни лесостроительных работ, ни составления проектов ведения лесного хозяйства, а только кто осваивает эти деньги. Теперь одной из важнейших панацей решения этой проблемы считается запрет на частное лесоустройство? К сожалению, ничего другого хоть в какой-то мере вразумительного не предлагается.

А ведь ещё совсем недавно лесоустройство являлось передовой отраслью лесного хозяйства, проводником его технической политики и научно-обоснованных форм ведения хозяйства, рационального пользования ресурсами, представляло планирующим органам всех уровней управления систематическую информацию о состоянии и динамике лесного фонда.

Мне вспоминается один случай. В 1990 году к нам в В/О «Леспроект» приехала делегация лесного хозяйства из ФРГ и ознакомившись с нашими материалами Государственного учёта лесов СССР, они выразили своё восхищение ими, и очень детально спрашивали как мы смогли организовать такую работу, потому что в то время в ФРГ почти в каждом регионе действовали свои правила сбора информации о лесах и они не могли свести эти данные в единый учёт.

Уроки истории Российского лесоустройства.

История российского лесоустройства насчитывает более двухсот лет. За этот период оно как живой организм переживало и подъёмы и падения, и тем важнее нам анализ их причин, потому что без этого невозможно

движение вперёд. Это как в каждой болезни, вначале необходимо поставить точный диагноз, чтобы не навредить, а уж потом приступать к лечению.

Согласно Устава В/О «Леспроект», его основными задачами являлись устройство, инвентаризация и картирование всех лесов государственного лесного фонда по единой системе; составление документации государственного учёта проведение научных исследований по разработке новых методов определения лесных ресурсов, в том числе на основе использования средств космической и вычислительной техники и другое.

В/О «Леспроект» являлось ведущей организацией в отрасли не только по разработке и внедрению ЭВМ в лесное хозяйство, но и по использованию космических снимков. Лесоустройство являлось передовой отраслью лесного хозяйства и проводником его технической политики. В те годы лесоустроительные работы производили на площади около 40 млн. га. Кроме этого выполнялись:

- авторский надзор за исполнением проектов – 67 лесхозов;
- охотоустройство – 2 млн. га;
- отвод лесосечного фонда – 680 тысяч га;
- составление планов рубок – 175 тысяч га;
- оценка состояния мест рубок - 430 тысяч га;
- инвентаризация резервных лесов - 10 млн. га;
- текущие изменения в связи со стихийными бедствиями и хозяйственной деятельности – 7.1 млн. га;
- составление проектов реставрации и благоустройства памятников садово-паркового искусства, мемориальных усадеб и др. - 38 объектов.

Преобладающая часть новых методов автоматизации лесного картографирования и дистанционных методов сбора, обработки, анализа, хранения и использования информации о лесах разрабатывалась его Научно-исследовательской частью, которая была самостоятельным подразделением, со своим планом работ и финансированием. Можно однозначно сказать, что ликвидация единого координационного органа лесоустройства никаким образом не пошла на пользу отрасли. Плоды этой реорганизации пожинает всё лесное хозяйство до сегодняшнего дня.

Что же не хватает для развития эффективности лесоустройства сегодня? Как нам кажется, в первую очередь - профессионализма.

Даже в высших органах власти всё чаще слышатся высказывания о необходимости повышения роли государства в сферах, обеспечивающих жизнеспособность страны, хотя либеральные рыночники против таких течений ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Я считаю, что к таким сферам относится и лесоустройство. И здесь уже, как говорится невооружённым глазом, видна необходимость совершенствования управления с целью повышения эффективности в целом лесной отрасли России, в чём ему решающую роль может оказать «правильное» лесоустройство.

Но вдруг в 2007 году появилась Государственная инвентаризация лесов (ГИЛ). Несмотря на очевидную неподготовленность методики, и отсутствие необходимости, вместо лесоустройства в Лесном кодексе 2006 года появилось понятие государственной инвентаризации лесов. В результате в кратчайшее время подорваны кадровая, научная и практическая основы отечественного лесоустройства.

Вместо выстроенной многими десятилетиями системы в 2006 году была введена, так называемая Государственная инвентаризация лесов (ГИЛ). Причём, в то время декларировались только некоторые предполагаемые принципы её построения. Ни научных исследований, ни практических разработок не существовало. В результате в ускоренном порядке была взята за основу одна из зарубежных систем, которая совершенно не соответствовала ни каким отечественным критериям. Она была дополнена множеством показателей по мелочному контролю ведения лесного хозяйства и как бы принята в промышленную эксплуатацию. В результате за эти годы истрачено около десяти миллиардов рублей, но до сих пор ни какой официальной информации эта система не представила. Удивительно то, что критикуемая на всех уровнях система, не приносящая ничего кроме ущерба государству, продолжает успешно и безрезультатно функционировать.

К сожалению, выпячивание этой системы, как какой-то панацеи по приведению в известность лесов России без чёткого определения самой цели этих работ, превратила её в весьма доходный бизнес для определённого круга деятелей, но бесполезный для самого лесного хозяйства. При обосновании ведения ГИЛ постоянно слышались утверждения, что для натурной инвентаризации с периодом повторной ревизии 10 лет не хватит средств. Но если посмотреть, как тратятся даже те финансовые средства, которые выделяются, то возникают сразу вопросы. Что нам это дало? Кто оценивает эффективность затрат?

За деньги, освоенные с помощью ГИЛ только за пять лет, можно было устроить до 150 млн. га лесов, что позволило бы в первую очередь сохранить специалистов и обновить информацию практически по всей площади лесного фонда, где такое обновление требуется. Как говорится: «ломать – не делать». А что же лесное хозяйство получило взамен? Из почти полутора сотен таблиц всего процентов 20 можно ещё как-то отнести к характеристике лесного фонда, а остальное - просто макулатура!

Вся информация ГИЛ базируется на данных прошлого лесоустройства, что не соответствует самой методологии. Уже не говоря о том, что лесоустроительная информация в большинстве регионов устарела настолько, что вообще не может использоваться даже для текущей лесохозяйственной деятельности. Кроме того, в состав ГИЛ были внесены работы по оценке лесохозяйственных мероприятий и дистанционный мониторинг лесопользования, которые совершенно не соответствуют её задачам, но

превратились в своём виде в очередную «карающую палку» для лесного хозяйства.

Интересно, что после первоначальной критики результатов ГИЛ они были полностью засекречены не только для общественных организаций, но и для самого лесного хозяйства. Кроме того, на замечание, что ГИЛовские характеристики лесного фонда не редко представляют собой совершенно неправдоподобные данные, часть итоговой информации ГИЛ стала просто подгоняться под данные бывшего, уже устаревшего, государственного учёта лесного фонда с некоторой их актуализацией.

Удивительно, что скомпрометировавшая себя дорогостоящая и практически бесполезная, ведь её конечные результаты ни кто не видел, технология ГИЛ до сих пор ежегодно включается в планы «Рослесинфорга» в качестве производственного задания.

Вот и в понедельник у министра природных ресурсов состоялось совещание, на котором Рослесхоз победно доложил о том, что Государственная инвентаризация будет завершена в 2020 году. Ни о затратах, ни о том, что уже за почти десять лет ведения ГИЛ никакой информации нет и что же всё же даст нам эта пресловутая система там не было сказано ни слова. Да никто ничего и не спросил. И мне сразу вспомнилась узбекская сказка о Насредине Афанди, который обещал Бухарскому эмиру за двадцать лет научить говорить своего ишака. И когда его друзья спросили, как он это сделает, он ответил «За двадцать лет или ишак издохнет, или эмир умрёт». Аналог, к сожалению, прямой.

Я не отрицаю необходимость проведения работ по единовременной, но упрощённой методике инвентаризации лесного фонда, типа зарубежных национальных инвентаризаций, главным образом для того, что бы в общем представлять состояние лесного фонда России, в первую очередь в зонах экстенсивного ведения хозяйства. Такая работа могла бы быть основана на дистанционном зондировании всей территории России с оценкой категорий земель по лесообразующим породам и с определённой погрешностью, определение полноты и общих запасов. Наверное, было бы очень эффективно раз в три года проводить такие работы по материалам зимней съёмки с целью оценки процессов лесовосстановления хвойными породами. Это, безусловно, в кратчайшее время позволило бы обновить информацию о лесах и придало значительное ускорение развитию дистанционных методов по детализации данных о лесных ресурсах.

Наверное, необходимо в первую очередь определиться с главными целями организации и ведения лесоустройства. Построить иерархическую систему сбора, обработки, накопления в виде информационных банков о лесах и пользования этой информацией с учётом уровней управления. В систему сбора должны быть встроены различные новейшие методы и технологии лесоустроительных работ, обеспечивающих все уровни управления лесами. Важнейшим направлением является подготовка кадров.

Если вернуться к недалёкому прошлому, то можно вспомнить, что именно на таких требованиях было организовано лесоустройство, о чём я кратко уже говорил выше. А для подготовки кадров лесоустройства в то время, кроме постоянно действующего курса в институте повышения квалификации, были организованы в трёх институтах и двух техникумах специальные группы лесостроителей, которые пользовались определёнными преференциями, с учётом периода полевых работ.

Я коснулся некоторых исторических данных лесного хозяйства и лесоустройства.

А теперь хочу поделиться с вами ещё и особенностями ведения лесного хозяйства в условиях нового законодательства, принятого в последние годы. В качестве примера я использовал данные столичной области, которая мне достаточно знакома, так как работал здесь и таксатором, и начальником партии, и главным инженером лесоустроительного предприятия.

Леса области, где вместе с Москвой проживает около двадцати миллионов человек, являются важнейшим компонентом окружающей природной среды. Эти леса существуют в условиях жесточайшего стресса, не имеющего аналогов в России. Промышленные предприятия, автотранспорт, необходимая инфраструктура загрязняют воздух, воду и почву в объёмах значительно превышающих установленные для нормальной жизнедеятельности пределы. Свою долю также вносит и активное изъятие площадей лесного фонда под застройку, различные коммуникации. И не секрет, что состояние лесов на сегодня весьма неблагоприятно, обусловленное кроме огромной рекреационной нагрузки, ещё пожарами 2010 года и эпидемией размножения короеда - типографа. Но так ли не предсказуемо было ухудшение состояния лесов.

Новым Лесным кодексом режим ведения лесного хозяйства в защитных лесах, к которым отнесены все леса Московской области, был значительно усилен. Введён запрет на сплошные рубки, в некоторых категориях были запрещены даже рубки ухода, в том числе и запрет на заготовки новогодних ёлок, выращенных на специально заложенных плантациях. В новом документе цель защитных лесов определялась как «сохранение средообразующих, водоохраных, защитных санитарно-гигиенических, оздоровительных и других полезных функций». Несмотря на внесение ряда поправок в Лесной кодекс, в целом тенденция на значительные ограничения ведения лесного хозяйства сохраняется и на сегодня. Но достигнем ли мы такими запретами главной цели – выращивание и сохранение лесов, выполняющих в полной мере предъявляемых к ним требований? Ведь для сохранения и повышения защитных функций лесов требуется ведение интенсивного лесного хозяйства, при котором необходим значительный объём мероприятий по формированию разновозрастных,

многоярусных, устойчивых к неблагоприятным рекреационным нагрузкам и природным условиям насаждениям.

Лесоустройством постоянно предлагалось кардинально изменить отношение к лесам области, в том числе и проведением необходимого объёма рубок. Но эти предложения под давлением общественности были практически проигнорированы, более того, общее пользование древесиной постоянно снижалось. Соответственно, накопление запасов спелых и перестойных насаждений привело к тому, что в начале этого века их запас составлял уже 35 % от общего. Площадь спелых и перестойных ельников за 30 лет увеличилась в двадцать с лишним раз. И катастрофа, которая поразила леса Московской области – нашествие короеда-типографа, не заставила себя ждать.

Даже отраслевые специалисты писали: «Небывалое нашествие короеда типографа, никогда ранее столь массово не атаковавшего ельники Подмосковья». Но вот что писал учёный - лесовод М. Турский в 1884 году: «В последние годы и, особенно, в нынешнем году не один лесничий и лесовладелец, конечно, замечал, что в старых еловых насаждениях единичные деревья, а местами и довольно значительные группы их, засыхают. Все, кто более или менее близко стоит к лесному делу, убедились, что засыхание есть следствие повреждение короедами. Три – четыре года тому назад мы могли игнорировать короедов; они нас не пугали, хотя мы и слышали о повальных опустошениях ими в других более отдалённых от нас странах. А теперь короеды дают знать о себе не только в окрестностях Москвы, но и в губерниях Тверской, Смоленской, Калужской и других. Лесовладельцы, насчитывающие в начале нынешнего лета десятки десятин короедного леса, начали считать их к осени сотнями десятин. Местами распространение короедов идёт такими гигантскими шагами, что опасаются за целостность обширных площадей еловых насаждений». М. Турский. «Из поездки в некоторые леса средней и южной России».

Уже с семидесятых годов прошлого столетия наши лесоводы практики и учёные постоянно обращали внимание на то, что в лесах с такой антропогенной нагрузкой, где разрешены только рубки ухода и санитарные рубки, невозможно вырастить здоровые древостои, создать нормальную возрастную структуру лесов. Ведение экстенсивного хозяйства и, практически, консервация огромных лесных площадей приведут к большим экономическим и экологическим потерям. Ведь вырубка и переработка распадающихся и погибших насаждений из-за потерянной товарности и, соответственно, низкой стоимости такой древесины, экономически не выгодна и требует значительных бюджетных средств.

Но кто у нас слушает лесоводов? Развёрнутое движение общественных защитников природы категорически отвергало всякие разговоры о необходимости ведения интенсивного хозяйства с целью формирования здоровых и лесов. Вопреки отечественной лесоводственной науке и производственному опыту на большей части лесного фонда были исключены рубки главного пользования, т.е. уборка спелых насаждений.

А лес- это живой организм, он растёт и стареет. Заклинаниями, даже на уровне руководителей государства, его не приведёшь в порядок. Из-за необоснованно низкого уровня интенсивности ведения лесного хозяйства наносился огромный экологический и экономический ущерб. В результате, казалось бы «очень природоохранные меры» по спасению леса вели к прямо противоположным результатам – общему старению насаждений. В конечном итоге, это не могло не сказаться на общем санитарном состоянии лесов и на снижении их защитных свойств и, что бы это стало понятно не только лесоводам, требовалось определённое время. Вот оно и пришло.

На сегодня по разным данным только от короеда - типографа за последние 5-7 лет погибло около 100 тысяч гектар лесов – это спелые и часть припевающих еловых лесов области. Государству от недополученной прибыли нанесён ущерб в размере не менее 50 миллиардов рублей.

Теперь из бюджета, формирующегося нашими налогами, ежегодно ещё и выделяется до двух миллиардов рублей на уборку этого сухостоя. Вот с кого спросить за это? Но даже при этих мерах миллионы кубометров сухой древесины остаются в лесу. И было бы странным, если бы лесное хозяйство оказалось вдруг доходной отраслью.

А вот Финляндия – бывшая до 1918 года провинцией России, взяла за основу и развила, разработанные русскими лесоводами методы интенсивного ведения лесного хозяйства, впоследствии названные «скандинавской технологией». Площадь покрытых лесом земель всей Финляндии, в том числе притундровых, в 9 раз больше, чем в Московской области, общий запас древесины - в 4.1 раза больше, объём ежегодно вырубаемой древесины составляет около 70 млн. м³ - в 50 раз больше. Доля лесного сектора в национальном доходе при этом составляет около 10%. И пусть кто-нибудь скажет, что финны ведут лесное хозяйство и лесопользование по принципу истощительного пользования, или как сейчас принято писать, неустойчиво ведут лесное хозяйство, что леса Финляндии не отвечают требованиям, предъявляемым к защитным лесам? Конечно, и там можно найти недостатки ведения лесного хозяйства. Но, наверное, только в России, в так называемых защитных лесах и, особенно, в Московской области, можно увидеть сплошные, труднопроходимые завалы из многих миллионов кубометров погибших деревьев. И возникает вопрос: «Зачем мы вообще ведём в таких лесах хозяйство? Ведь всё равно сгниёт всё. Может быть, оставить только охрану лесов от пожаров, так, на всякий случай, и закрыть на замок все эти ненужные лесничества и лесные комитеты?».

Главным камнем преткновения в спорах о ведении лесного хозяйства стоит вопрос о рубке. Так что же такое рубка - благо или вред для леса?

«С теоретической точки зрения многое нам кажется неудобным, что на деле оказывается вполне рациональным. Только с помощью во - время начатых и разумно произведённых рубок мы, лесоводы, в состоянии воспитать здоровые насаждения и вместе с тем иметь значительное пользование от леса, которое отнюдь нельзя оставлять без внимания при

подсчёте доходов от лесного хозяйства». Эти слова Карл Францевич Тюрмер поставил себе за правило и делом доказал его жизненность.

Я бы порекомендовал всем, кто ещё не знаком с трудами этого лесоведа, обязательно прочитать его труд «Пятьдесят лет лесохозяйственной практики». Гарантирую - не пожалеете, но найдёте много полезного, даже если вы не занимаетесь конкретно лесным хозяйством.

Можно с уверенностью сказать, что запрет на проведение любых рубок даже на короткое время показал всю несостоятельность и более того вредность для самого леса, а соответственно и для выполнения им защитных функций. Только здоровый, высокопроизводительный лес может соответствовать требованиям по выполнению защитных функций. Но без проведения необходимых рубок ухода, уборки спелых и перестойных насаждений здоровый лес не вырастить. А санитарные рубки - это уже не уход за лесом, а вынужденная уборка погибающих или уже погибших насаждений.

Следует обратить на следующее противоречие. В лесах особо охраняемых территорий к хозяйственно ценным породам относят сосну и ель. То есть, уже с проектирования лесовосстановительных мер, мы закладываем требование по выращиванию высококачественной хвойной древесины. На это направлены все мероприятия по лесовосстановлению и уходу. Но ведь ограничение пользования выращенной конечной продукцией путём запрета рубок в принципе отрицает такое направление ведения хозяйства. Так какая же цель ведения всего нашего лесного хозяйства в защитных лесах?

Следует однозначно сказать, что требуется коренной пересмотр стратегии ведения хозяйства, именно, с лесоводственных позиций, а не эмоций. Ведь результаты труда лесоводов можно оценить только по прошествии десятилетий и исправить их весьма трудно, а подчас невозможно.

Решение задачи повышения устойчивости насаждений к неблагоприятным факторам среды и антропогенным нагрузкам повышения продуктивности лесов, улучшения их породного состава, невозможно использованием в лесовосстановлении и лесоразведении для этих целей только местных древесных пород, которые в значительной мере подвергаются техногенному и климатическому воздействию. Необходимо изменить перечень целевых пород, на которые ведётся хозяйство области, с учётом устойчивости к корневой губке, короеду-типографу и другим неблагоприятным факторам, характерных для данных условий произрастания. К таким породам следует отнести лиственницу, дуб, липу.

Ведение интенсивного лесного хозяйства в России во все времена сдерживалась невозможностью утилизации огромной массы низкотоварной и неликвидной древесины. Создание системы использования такой древесины позволило бы хотя бы отчасти компенсировать расходы на необходимые лесохозяйственные мероприятия и увеличило количество создаваемых лесным сектором рабочих мест.

Огромной проблемой в лесном хозяйстве является кадровая политика. Её решение, пожалуй, должно быть одним из первых условий повышения уровня ведения лесного хозяйства.

Опять вернусь к истории: Предписание от 5 апреля 1918 года «Всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о недопустимости увольнения лесных специалистов», где говорится: «Вследствие получения сведений о массовых увольнениях лесных специалистов от должностей и вовсе от службы Совет Народных Комиссаров считает необходимым сообщить, что: ... «лесных специалистов нельзя заменить другими без ущерба для леса и тем самым - для всего народа: лесное хозяйство требует специальных технических знаний».

Не хотел бы, что бы сказанное мной оставило у слушателей минорного настроения. Я говорил в основном о проблемах с целью их вскрытия и лечения. Ведь любое лечение невозможно без правильного диагноза. Очень надеюсь, что коллегам, особенно молодому поколению, принесёт пользу сегодняшняя встреча, и они возьмут на вооружение некоторые наши предложения, ведь им в дальнейшем решать судьбу Русского леса.